

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

«... КАКОЙ ИЗ СОРОК ПЕРВОГО ТЯЖЁЛОЙ
ДОРОГА В СОРОК ПЯТЫЙ ГОД БЫЛА...»

СТИХИ О ВОЙНЕ

Составитель тематического
сборника – НИНА ИНЯКИНА

КЕМЕРОВО, 2012



*Иллюстрация из сборника «ПЕРЕПЁЛКА».
Художник – В. Першков*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во время празднования 90-летнего юбилея со дня рождения известного кузбасского поэта Михаила Александровича Небогатова в октябре прошлого года организаторам небогатовских чтений в Кемеровском государственном университете пришла в голову мысль: сделать тематические подборки стихотворений, проследить при этом процесс работы автора над словом, что называется, «заглянуть в творческую лабораторию». Не сговариваясь, решили, что начнём составление таких сборников с темы, которую Небогатов не оставлял на протяжении всей своей жизни. Бывший фронтовик, он не понаслышке знал, что такое война. Писал о ней не пафосно, не плакатно, а простым, человеческим языком. Как сказал сам поэт: «Поэтам замыкаться не к лицу. / Живём, всё к сердцу близко принимая. / Коль боль пришла к какому-то крыльцу, / Она и нас тревожит, обжигая...». Стихи эти – пронзительны, берут за душу.

Стихи о войне – первый сборник из этой серии тематических книжек. Для того чтобы чтение не было скучным и однообразным, приведу все возможные редакции стихотворений с пояснением, из какого сборника они взяты (их у Небогатова было 16: 14 прижизненных и 2 – изданных после его смерти); отделию одно от другого «звёздочками» по центру страницы. А строки, подвергшиеся изменению или правке поэта, выделю цветным маркером. Читателю только останется выбрать наиболее понравившийся вариант.

Надеюсь, сборник найдёт понимание и отклик в душе любого человека, который возьмёт в руки эту книжку.

*Составитель – Нина Инякина, дочь поэта.
Г. Кемерово, февраль 2012 года.*

«... КАКОЙ ИЗ СОРОК ПЕРВОГО ТЯЖЁЛОЙ
ДОРОГА В СОРОК ПЯТЫЙ ГОД БЫЛА...»

СТИХИ О ВОЙНЕ

Не обойдёшь сторонкою в беседе
Год сорок первый, горестные дни.
Как ни светлы раздумья о победе,
В них не одни салютные огни...

На быстроту прорывов, окружений
Был мастер враг коварный, что скрывать.
И на уроках наших поражений
Мы на ходу учились воевать.

Когда врага по гатям, перевалам
Погнали мы лесами, среди долин,
Его же салом били по мусалам,
По-русски вышибая клином клин!...

Пути войны – вначале к Подмосковию,
Потом к Берлину в холод, слякоть, зной –
Обагрены великой нашей кровью,
Оплачены огромною ценой.

Не счесть героев – будь земля им пухом,
Что полегли под холмики, холмы...
Броня – бронёй. Но кто сильнее духом,
Тот победил. А победили мы!

Пусть много лет сияет мир весёлый,
Нам не забыть, какая битва шла,
Какой из сорок первого тяжёлой
Дорога в сорок пятый год была.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 39)

Не виноваты мы перед друзьями,
Которые погибли на войне.
Случайность, что не сгинули мы сами
На Волге, на Днестре или Десне.

И всё-таки порой мы беспокойны,
Как некий груз, вопрос в душе несём:
Всегда ли мы их памяти достойны,
А может, не всегда и не во всём?..

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 25)

*** *** ***

ДОСТОЙНЫ ЛИ...

Не виноваты мы перед друзьями,
Которые погибли на войне.
Ведь так же мы могли погибнуть сами
На Волге, на Днестре или Десне.

И всё-таки порой мы беспокойны,
Как некий груз, вопрос в душе несём:
Всегда ли мы их памяти достойны,
А может, не всегда и не во всём?..

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с.11).

В НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Я представляю это до сих пор...
 Был сладок сон. Тиха была казарма.
 Алел восток, и на него в упор
 Смотрел фашист с открытого плацдарма.

 Смотрел в бинокль, высок, изящен, свеж,
 Красив своею статностью спортивной...
 Был берег тот не берег, а рубеж,
 Простор полей – простор оперативный...

 Уже мосты – места для переправ,
 Для гусениц, колёс, бегущих ног ли...
 Мир черепиц, садов, соборных глав, –
 Всё чётко, близко замерло в бинокле.

 Мы спали. И дышалось так легко.
 И нам, юнцам, ничто не подсказало,
 Что за рекой – совсем недалеко –
 Уже война к прыжку ждала сигнала.

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 9;
 эта же редакция в сборнике «Лето», 1981 г.,
 с. 52)*

*** *** ***

В НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Я представляю это до сих пор...
 Был сладок сон. Тиха была казарма.
 Алел восток, и на него в упор
 Смотрел фашист с открытого плацдарма.

 Смотрел в бинокль, высок, изящен, свеж,
 Красив своею статностью спортивной...
 Был берег тот не берег, а рубеж,
 Простор полей – простор оперативный...

 Уже мосты – объекты переправ,
 Для гусениц, колёс, бегущих ног ли...
 Мир черепиц, садов, соборных глав, –
 Всё чётко, близко замерло в бинокле.

Мы спали. И дышалось так легко.
 И ни одна душа из нас не знала,
 Что за рекой – совсем недалеко –
 Уже война к прыжку ждала сигнала.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 35; эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 11)

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля цветёт лучистым маем,
 А дни его – огнями красных дат,
 С какой мы острой болью вспоминаем
 Войною похороненных солдат!

Живут они, как будто не убиты,
 В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
 Живут, врагами даже не забыты,
 Герои тех сороковых годов.

Но мчится время жёстко и упрямо,
 Фронтовиков сужается всё круг,
 И умирают старенькие мамы,
 И вдовы превращаются в старух.

Так неужели где-то в дальней дали
 Придут такие горькие года –
 От жизни тех солдат, что в битвах пали,
 На свете не останется следа?

Неужто впрямь случится так когда-то –
 Всё порастёт, как говорят, быльём,
 И, кроме Неизвестного солдата,
 Не будут знать уж люди ни о ком?

Нет! И тогда, когда уже не будет
 Ни матери, ни друга, ни жены,
 Ни холмика –
 Земля их не забудет
 Под вечным солнцем, в мире тишины.

Земля о них расскажет в блеске росном,
 Любой высотке – памятник живой:
 Где взрыв чернел фонтаном смертоносным –
 Весной берёзам вспыхивать листвою!

Не раз Россия в будущие годы
 Почтит их память в громе майских гроз
 У вечного огня самой природы –
 У пламени зелёного берёз.

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 19; эта же редакция в сборнике «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 31)

*** *** ***

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля цветёт лучистым маем,
 А дни его – огнями красных дат,
 С какой мы острой болью вспоминаем
 Войною похороненных солдат!

Живут они, как будто не убиты,
 В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
 Живут, врагами даже не забыты,
 Герои тех сороковых годов.

Но мчится время жёстко и упрямо,
 Фронтовиков сужается всё круг,
 И умирают старенькие мамы,
 И вдовы превращаются в старух.

Так неужели где-то в дальней дали
 Придут такие горькие года –
 От жизни тех солдат, что в битвах пали,
 На свете не останется следа?

Неужто впрямь случится так когда-то –
 Всё порастёт, как говорят, быльём,
 И, кроме Неизвестного солдата,
 Не будут знать уж люди ни о ком?

Нет! И тогда, когда уже не будет
 Ни матери, ни друга, ни жены,
 Ни холмика –
 Земля их не забудет
 Под вечным солнцем, в мире тишины.

Земля о них расскажет в блеске росном,
 Любой высотке – памятник живой:

Где взрыв чернел фонтаном смертоносным –
Весной берёзам вспыхивать листвою!

Русь не однажды в будущие годы

Почтит их память в громе майских гроз

У вечного огня самой природы –

У пламени зелёного берёз.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 26; эта же редакция в сборнике «Вечерние огни», 1989 г., с. 33, только изменилась самая первая строчка: «Когда земля озеленится маем...»)

СОЛДАТ С РЕБЁНКОМ

Н. И. Масалову

В огненной горячей круговерти,
В неумолчном грохоте атак
Девочку немецкую от смерти
Спас в Берлине наш герой-земляк...

Там бойца, прошедшего сквозь пламя,
В ореоле славных ратных дел,
Скульптор вдохновенными руками
В бронзе навсегда запечатлел.

Много вёсен, солнечных и ярких,
Отражённых в отблесках меча,
Он стоит в Берлине, в Трептов-парке,
С девочкой спасённой у плеча.

Он стоит на фоне ясной сини,
Как предупрежденье всем врагам,
Величавым символом России,
Что метнула свастику к ногам.

Он стоит, красивый и могучий,
И следит за тучами вдали...
Сколько стран от свастики паучьей
Мы, как эту девочку, спасли!..

Пусть того солдата не тревожат
Те, кому всё в мире нипочём.
Меч опущен. Но подняться может,
Если снова к нам придут с мечом!

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 38)

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Она не знала громких фраз,
Но в дымной огненной метели –
Мы это видели – не раз
Была доказана на деле...

Запомнил я воздушный бой.
От «ястребков» и «мессершмиттов»
Над той – немецкой – стороной
Гудело небо басовито.

А мы, бойцы, лежим во ржи,
И сердцем все мы там, в зените,
Где и пике, и виражи,
И пулемётных строчек нити.

Атака в лоб, удары в бок –
Смешалось всё в кружение лютом...
Вот задымился «ястребок» –
И лётчик прыгнул с парашютом.

Сейчас подскочит «мессершмитт»,
Мелькнёт вблизи зловещей тенью –
Вмиг будет пулями прошит
Пилот, что стал простой мишенью...

Но тут же друга самолёт,
В крутой стремительности воя,
На помощь сбитому идёт,
Берёт его в кольцо живое!

Пройдёт еще минуты две –
Никто его уже не скосит:
Ведь белый купол в синеве
Июльским ветром к нам относит!

Уж видит лётчик колею,
И рожь, и луг, и дым над лугом.
А тот, кто спас его в бою,
Всё ходит в небе – круг за кругом.

...И в мирный день сбивают нас
То равнодушие, то обиды.
Как мы беспомощны подчас,
Хоть повидали в жизни виды.

Как не хватает нам порой,
Когда у зла мы под обстрелом,

Великой дружбы фронтовой,
 Не словом выверенной –
 Делом!

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 117)

*** *** ***

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Запомнил я воздушный бой.
 От «ястребков» и «мессершмиттов»
 Над той – немецкой – стороной
 Гудело небо басовито.

А мы, бойцы, лежим во ржи,
 И сердцем все мы там, в зените,
 Где и пике, и виражи,
 И пулемётных строчек нити.

Атака в лоб, удары в бок –
 Смешалось всё в кружение лютом...
 Вот задымился «ястребок» –
 И лётчик прыгнул с парашютом.

Сейчас, как хищник, «мессершмитт»
 Мелькнёт вблизи зловещей тенью –
 Вмиг будет пулями прошит
 Пилот, что стал простой мишенью...

Но тут же друга самолёт,
 В крутой стремительности воя,
 На помощь сбитому идёт,
 Берёт его в кольцо живое!

Пройдёт еще минуты две –
 Никто его уже не скосит:
 Ведь белый купол в синеве
 Июльским ветром к нам относит!

Уж видит лётчик колею,
 И рожь, и луг, и дым над лугом.
 А тот, кто спас его в бою,
 Всё ходит в небе – круг за кругом.

...И в мирный день сбивают нас
 То равнодушие, то обиды.
 Как мы беспомощны подчас,
 Хоть повидали в жизни виды.

Как не хватает нам порой,
 Когда у зла мы под обстрелом,
 Великой дружбы фронтовой,
 Не словом выверенной –
 Делом!

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с.19.
 В этой новой редакции уже нет первого
 четверостишия: «Она не знала громких
 фраз...»)*

*** *** ***

Я видел раз воздушный бой.
 От «ястребков» и «мессершмиттов»
 Над той – немецкой – стороной
 Гудело небо басовито.

Атака в лоб, удары в бок –
 Смешалось всё в круженье лютом...
 Вот задымился «ястребок» –
 И лётчик прыгнул с парашютом.

Сейчас, как хищник, «мессершмитт»
 Мелькнёт вблизи зловещей тенью –
 Вмиг будет пулями прошит
 Пилот, что стал живой мишенью...

Но вижу: друга самолёт,
 В крутой стремительности воя,
 На помощь сбитому идёт,
 Берёт его в кольцо живое!

Прошла минута, может, две –
 Теперь фашист его не скосит:
 Широкий купол в синеве
 Июльским ветром к нам относит!

Всё ниже, к нам на колею,
 Где мы лежим, где чад над лугом.
 А тот, кто спас его в бою,
 Всё ходит в небе – круг за кругом.

*(Из сборника «Лето», 1981 г., с.61. В этой
 редакции не только изменилось несколько
 строчек, но и «ушло» два последних*

четверостишия, а второе в сокращённом и изменённом виде «легло» в завершающее это стихотворение четверостишие. В последующие сборники: «Перепёлка», 1988 г., с. 56, «Времени река», 1991, с.45 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 14 вошла уже эта – окончательная – редакция)

Рано поколенью моему
 Испытанья выпали на долю:
 Жизни путь начать в огне, в дыму
 По насквозь простреленному полю...
 Как ни тяжело было на войне,
 Как мы там ни мучились, страдая,
 Дорого навек то время мне,
 Потому что молод был тогда я.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 60)

*** *** ***

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Рано поколенью моему
 Испытанья выпали на долю:
 Жизни путь начать в огне, в дыму
 По насквозь простреленному полю...
 Как ни тяжело было на войне,
 Как мы там ни мучились, страдая,
 Дорого навек то время мне,
 Потому ль, что молод был тогда я?..

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 110; эта же редакция и в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 17)

УРОКИ ВОЙНЫ

Война не только гнула круто,
Но и учила честно жить.
Учила каждой минутой,
Секундой каждой дорожить.

В любом – большом и малом – деле
Всё исполнять учила в срок,
Хоть твои силы на пределе,
Хотя усталость валит с ног...

Пусть по земле родимой русской
Война не ходит никогда,
Но жить нам – с полной нагрузкой
И в будни мирного труда.

Ценить, как тот глоток из фляжки,
Судьбой отпущенный нам срок,
И не давать себе поблажки,
Не говорить: – Устал, не смог...

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 29)

*** *** ***

УРОКИ ВОЙНЫ

Война не только гнула круто,
Но и учила честно жить.
Учила каждой минутой,
Секундой каждой дорожить.

В любом – большом и малом – деле
Всё исполнять учила в срок,
Хотя уж силы на пределе,
Хотя усталость валит с ног...

Пусть по земле родимой русской
Война не ходит никогда,
Но жить нам – с полной нагрузкой
И в будни мирного труда.

Ценить, как тот глоток из фляжки,
Судьбой отпущенный нам срок,
И не давать себе поблажки,
Не говорить: – Устал, не смог...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 65; в сборнике «Времени река», 1991 г., с. 78, стихотворение даётся в этой же редакции)

ВОСПОМИНАНИЕ

Недвижны орудья и траки,
Безмолвен исходный рубеж...
И слышно острее до атаки,
Как воздух предутренний свеж.
Снята маскировка с лафета.
И ждёшь среди глухой тишины:
Сейчас её вспорет ракета –
Зловещая птица войны.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 13. Редакция текста осталась неизменной в сборниках «Перепёлка», 1988 г., с. 51 и «Вечерние огни», 1989 г., с. 49, только вместо названия появились «звёздочки»)

Случайно в мемуарах генерала
Прочёл и вздрогнул: «Зайцева гора!»
Ведь наша часть её атаковала...
Всё вспомнил я. Всё было, как вчера.
Поляну мокрым снегом укрывало,
А там, в селе, на взгорье, немчура.
Бил пулемёт. Свинцом нас поливало.
Бежали и кричали мы: – Ура-а!
Стучало сердце. Гром его ударов –
В висках. И вдруг – всё тело обожгло.
Померк вдали багровый дым пожаров.
День снегопадом чёрным замело...
Я лишь сейчас узнал из мемуаров:
Под вечер наши заняли село!

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 26; эта же – неизменная – редакция и в последующих сборниках: «Вечерние огни», 1989 г., с. 63, «Времени река», 1991 г., с. 77 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 18)

Один почёт всем, бурей опалённым.
Народ в расчёт и тех солдат берёт,
Кто в самом малом пункте населённом
К большой Победе сделал шаг вперёд.
Друг фронтовой! Не дали нам раненья
Среди берлинских воевать руин,
А всё ж в душе такое ощущение,
Как будто тоже брали мы Берлин.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 72)

*** *** ***

Друг фронтовой! Не дали нам раненья
Среди берлинских воевать руин,
А всё ж в душе такое ощущение,
Как будто тоже брали мы Берлин.

Да, счастье – быть причастным к миллионам,
Народ в расчёт и тех солдат берёт,
Кто в самом малом пункте населённом
К большой Победе сделал шаг вперёд.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 64)

Всю жизнь перед глазами, как живой,
 Увиденный впервой солдат убитый.
 Кругом движенье, гул, моторов вой,
 А он у дома – всеми позабытый...

Был первый день войны. И первый он,
 Ничком лежащий, весь в дорожной пыли.
 Поздней я видел многих вечный сон,
 А этот – всех живее в страшной были.

И чувство в сердце жуткое, как стон:
 Уйдя, мы разбудить его забыли...

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 16; в этой же редакции – в сборнике «Лето», 1981 г., с. 54)

*** *** ***

Всю жизнь перед глазами, как живой,
 Увиденный впервой солдат убитый.
 Кругом движенье, гул, моторов вой,
 А он у дома – всеми позабытый...

Был первый день войны. И первый он,
 Ничком лежащий, весь в дорожной пыли.
 И чувство в сердце жуткое, как стон:
 Уйдя, мы разбудить его забыли...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 41; в этой же редакции – без 3-й и 4-й строчек во втором четверостишии – стихотворение напечатано в двух последующих сборниках: «Вечерние огни», 1989 г., с. 41 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 15)

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Миролюбивые мы люди.
Нам дорог каждый мирный час.
В чехлах у нас стволы орудий.
Снаряды в ящиках у нас.

Нет, наша мощь – не для показа.
И просто так, средь бела дня
Ни по кому ещё ни разу
Не открывали мы огня.

Нигде колёса наших пушек
Не подминали детских тел.
Над кровлей мирных деревушек
Нигде снаряд наш не свистел.

Ещё ни разу не бывало,
Известно каждому из нас,
Чтоб на кого-нибудь напала
Россия наша в мирный час.

Но кто в наш дом с мечом ворвётся –
Не поздоровится тому.
Мы – от бойца до полководца –
Верны народу своему.

Так Бонапарт бежал бесславно
От храбрых русских пушкарей.
Так было с Гитлером недавно.
Его судьба ещё страшней.

Во имя мира, жизни ради
Мы посылали свой металл
На тех, кто в нашем Сталинграде
Дома и школы разрушал.

Мы под Москвою были люты,
Из пушек били для того,
Чтобы звучали в ней салюты,
Как нашей правды торжество.

Огонь под Курском был неистов.
Разила недругов шрапнель,
Чтобы для нас – не для фашистов –
Там соловьёв звенела трель.

Мы говорили: Не позволим
Вот здесь хозяйничать врагу,

Распоряжаться русским полем,
Жить на советском берегу!

Всё – наше. Кровное, родное...
Снаряд ложился на ладонь
И снова в грохоте и вое
Комбат кричал: Огонь! Огонь!...

Дошли с победой мы до Шпрее
Под гул советских батарей,
Круша окопы и траншеи
С мечтой о счастье мирных дней.

Не смерть немецкому народу
Гром наших пушек нёс тогда,
А избавленье и свободу
Вперёд на долгие года...

Одну дорогу в жизни выбрав –
Дорогу мира, мы, меж тем,
Храним орудья всех калибров,
Всех новых марок и систем.

Но знают все простые люди:
Нам дорог каждый мирный час,
В чехлах у нас стволы орудий,
Снаряды в ящиках у нас.

1952

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 57)

ОТКЛИКНИТЕСЬ!

Эвакуаций спешных суетня,
Внезапные налёты и бомбёжки...
С багровой ночи, чёрного ли дня
Разъединились родичей дорожки.

Кто возле моря, кто в краях степных.

Не навсегда ли кровная утрата?

Идут донныне поиски родных:

«Ищу сестру», «Ищу отца и брата».

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 14. В сборнике «Вечерние огни», 1989 г., с. 42 «звёздочки» заменили название, а во второй строчке второго четверостишия в конце появилось многоточие)

ПЕСНЯ ГЕРОЯ*Памяти воина-сибиряка Б. Богаткова*

Священной памяти достоин
 Погибший с песнею в бою!
 Он был поэтом, этот воин,
 Над чьей могилой я стою.

...Навстречу смерть огнём хлестала.
 Огонь отрезал все пути,
 И в смерче жаркого металла,
 Казалось, выло: – Не пройти!..

К земле на миг стрелки прижаты.
 О, как мила земля! Но вот
 Он встал: «Вперёд! За мной, ребята!»
 И вдруг запел. И поднял взвод.

Пусть сам поэт упал сражённый,
 Горячей песни не допев,
 Но смял фашистские заслоны
 Его друзей великий гнев!

На отвоёванной высоте
 Лежит солдат в земле родной.
 Он за неё в бою коротком
 Погиб, как истинный герой.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 16)

НИЧЕЙНАЯ ПОЛОСА

Поле между нами и фашистами
 Стало вдруг ничейной полосой...
 Поле с незабудками душистыми
 Утром пахло свежестью, росой...

Снова нам и тропами, и пашнями
 Гнать врага, что в роще у реки,
 Чтобы не ничейными, а нашими
 Стали незабудок островки!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 15)

НАША ВЕРА

К. Л. Волошиной, матери прославленной партизанки

...Я знаю, Клавдия Лукьяновна,
Как трудно вам, приблизив даль,
Переживать всё это заново –
Былую радость и печаль.

Да, было радостью великою
В кроватке дочку пеленать,
Позднее с тёплой улыбкою
С порога в школу провожать;

Чтоб полюбила землю русскую,
Бродить в полях привольных с ней –
С резвухой, ласковой Веруською,
Родной, единственной своей.

Судьбу счастливую без вымысла
Пророчить маленькой в мечтах;
Увидеть вдруг, что дочка выросла,
Невестой стала на глазах...

Как было радостно и весело!
И вот нагрянула война.
Тяжёлой тучей занавесила
Зарю июньскую она.

Горят московские предместия.
Грохочут пушки день и ночь...
Страшнее страшного – известие,
Что смертью храбрых пала дочь.

Совсем не думая прославиться,
За счастье Родины в бою
Русоволосая красавица
Сложила голову свою...

Недаром почесть полной мерою
Мы ей донине воздаём,
Как Зою, нежно «нашей Верою»
Землячку славную зовём.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 17)

НА УЛИЦЕ ГЕРОЯ

*Дважды Герою Советского Союза
Афанасию Шилину*

Ранний вечер огоньки зажѐг.
Тихо-тихо падает снежок...
В многолюдном уличном потоке
То и дело слышен смех ребят.
Пусто в школе, кончились уроки,
Но домой ребята не спешат.

Застегнув пальтишки, как попало,
И закинув сумки за плечо,
Как и мы, друзья мои, бывало,
Расшумелись, спорят горячо.

Вспоминаю детство я другое.
Вот в такой же вечер, в снегопад,
Там, где нынче улица Героя,
Бегал мальчик много лет назад.

Озорной парнишка был, весѐлый,
Подвинтив снегурочки-коньки,
Он любил вот так же, после школы,
Поиграть с ребятами в снежки.

Далеко от школьного порога
Распахнулся ясный горизонт!
Но нежданно мирная дорога
Повернула к западу, на фронт.

В бой пошли вчерашние парнишки,
Хоть мечтали вовсе не о том.
Дым пожарищ... Огненные вспышки...
Свист снарядов... Орудийный гром...

О войне написано немало,
Лишь одно добавить я могу:
Сибиряк, простой и скромный малый,
Был грозой, страшен был врагу!

Был грозой – в потёртой гимнастёрке,
В сапогах растоптанных своих –
Русский парень, наш кузбасский Тёркин,
Рядовой из тысяч рядовых...

Заросли травой все окопы,
Над цветами мотыльки парят...

Он прошёл с боями пол-Европы,
 На груди две звёздочки горят.
 За большую преданность Отчизне,
 За любовь к народу своему
 В городе, где вырос он, при жизни
 Монумент поставили ему.

Горняки частенько вспоминают
 Земляка, собрата своего.
 Улицу, где жил он, называют
 Знаменитым именем его...

Говорят, что летнею порою
 Далеко, на Северной Двине
 Проплывает с именем Героя
 Пароход, качаясь на волне.

Скрылись дети в уличном потоке.
 Тихо-тихо падает снежок.
 Это он, Герой, в тот год далёкий,
 Их для светлой жизни уберёг.

Пусть идут по улице спокойно,
 Слушая, как радио поёт!..
 Ну, а если снова будут войны,
 Снова враг внезапно нападёт, –

Не бывать тому, чтоб мы согнулись,
 Нападать на нас – напрасный труд.
 Есть у нас немало новых улиц,
 Где герои новые растут!

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 23)

Он был на фронте все четыре года
 За много вёрст от дома своего.
 Жена-солдатка в ящике комода
 Хранила кепку старую его.
 Когда тоска особенно сжимала,
 Она, чтоб удержать себя от слёз,
 Ту кепку доставала и вдыхала
 Родимый запах пота и волос.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 57; см. также сборники «Времени река», 1991 г., с. 30 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 20)

СЛОВО ХЛЕБОРОБА

Когда разбойничьим налётом
Встревожил Гитлер наш рассвет,
Я был мальчишкой желторотым,
Мне было только восемь лет.

Отец молчит. А мать всё плачет.
Видать, обоим тяжело.
Я думал: «Что всё это значит?
Какое горе в дом вошло?»

Мужчин в селе не стало вскоре,
Война... Невесело в селе...
И понял я: случилось горе
У всех людей, на всей земле.

И это горе в полной силе –
Хоть мир, как прежде, был хорош –
Мы, даже дети, ощутили,
Когда поспела в поле рожь.

В правленьё говор: – Жать пора бы...
– А жать-то некому почти.
– Лишь старики одни да бабы...
– Ох, нелегко дела вести!

Я огорчался, помню, очень,
Обидно было мне до слёз,
Что не могу ничем помочь им,
Что мал годами, не дорос.

А рожь-то, рожь – до горизонта.
Не видно края полосе...
– Для наших воинов, для фронта
Хлеб уберём! – решили все.

Нашлись дела и нам, ребятам, –
Колосья с поля убирать.
... Отец вернулся в сорок пятом.
Помолодела снова мать.

С тех пор, как Гитлера разбили,
Воды немало утекло.
Опять в колхозе – изобилье.
В садах, в огнях моё село.

Всё есть у нас. Живётся славно...
Мечтаем, учимся, творим.

Я комбайнёром стал недавно
И говорят, что неплохим.

Теперь и я хозяин в поле.
Тружусь со всеми наравне.
Доволен я! Но поневоле
Нет-нет и вспомню о войне.

Опять грозят нам «мёртвой хваткой».
Опять враги подняли вой.
Хотят, чтоб мать была солдаткой,
А может статься и вдовой.

Чтоб самолёты, а не птицы
Кружились в синей вышине;
Чтоб трассы пуль, а не зарницы
Сверкали в нашей стороне;

Чтоб не резвились наши дети,
А превратились бы в калек;
Чтоб всё, что любим мы на свете,
Под пеплом сгнуло навек.

Подумать лишь – враги мечтают
Союз Советский покорить!
Уж диверсантов обучают
По-русски «чай пить» говорить...

Нет! Не дадим мечте их дикой
Осуществиться никогда!
Мы все – от мала до велика –
На страже мирного труда.
1952

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с.62)

*** *** ***

РАССКАЗ ХЛЕБОРОБА

Когда разбойничьим налётом
Встревожил Гитлер наш рассвет,
Я был мальчишкой желторотым,
Мне было только восемь лет.

Мужчин в селе не стало вскоре,
Война... Невесело в селе...
И понял я: случилось горе
У всех людей, на всей земле.

И это горе в полной силе –
 Хоть мир, как прежде, был хорош –
 Мы, дети, тоже ощутили,
 Когда поспела в поле рожь.

В правленьё говор: – Жать пора бы...
 – А жать-то некому почти.
 – Лишь старики одни да бабы...
 – Ох, нелегко дела вести!

Я огорчался, помню, очень,
 Обидно было мне до слёз,
 Что не могу ничем помочь им,
 Что мал годами, не дорос.

А рожь-то, рожь до горизонта.
 Не видно края полосе...
 – Для наших воинов, для фронта
 Хлеб уберём! – решили все.

Нашлись дела и нам, ребятам, –
 Колосья с поля убирать.
 ... Отец вернулся в сорок пятом.
 Помолодела снова мать.

Теперь и я хозяин в поле.
 Тружусь со всеми наравне.
 Доволен я! Но поневоле
 Нет-нет и вспомню о войне.

Опять грозят нам «мёртвой хваткой».
 Опять враги подняли вой.
 Хотят, чтоб мать была солдаткой,
 А может статься, и вдовой.

Чтоб самолёты, а не птицы
 Кружились в синей вышине;
 Чтоб трассы пуль, а не зарницы
 Сверкали в нашей стороне;

Чтоб не резвились наши дети,
 А превратились бы в калек;
 Чтоб всё, что любим мы на свете,
 Под пеплом сгнуло навек.

Нет! Не дадим мечте их дикой
 Осуществиться. Никогда!
 Мы все – от мала до велика –
 На страже мирного труда.

*(Из сборника «Моим друзьям», 1958 г., с. 28.
Изменения очевидны: поменялось название
стихотворения; убрано несколько
четверостиший – 2-ое, 9-ое, 10-ое и 15-ое;
даже пунктуация в нескольких
предложениях изменилась)*

СУВЕНИРЫ

На Эльбе это было, в сорок пятом.
Счастливые, забыв о боли ран,
Увидели друг друга два солдата,
Два парня из союзнических стран.

Коптил фашизм, отброшенный на свалку,
Стояли двое в пламени, в дыму...
Джон подарил Ивану зажигалку,
А тот – с пилотки звёздочку ему.

Победою венчая путь солдатский,
Как будто не Иван и Джон сошлись –
Россия и Америка по-братски
Во имя мира крепко обнялись.

...Прошли года. И в дни труда и мира
От встречи исторической вдали
Два скромных, два солдатских сувенира
Сегодня смысл особый обрели.

Был каждый унесён своей дорогой,
Куда владельцев мирный путь увлёл.
Но отчего-то давнею тревогой
Вдруг вспыхивает синий огонёк.

И зажигалку ту зажав в ладони,
В душе тревогу не гася свою,
Иван всё чаще думает о Джоне:
«А бережёт он звёздочку мою?..»

*(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с.
73; эта же редакция и в сборнике
«Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 16)*

СТАРЫЙ СОЛДАТ

(триптих)

1.

Прожгла ракета ближний лес –
 И с вещмешком своим, с винтовкой
 Он через бруствер перелез
 И побежал рысцой неловкой.
 Не видел он, что там, вдали,
 Откуда нёсся скрежет стали,
 Фонтаны взорванной земли
 Перед глазами выростали.
 Вот кто-то вскрикнул в двух шагах,
 А он лишь чувствовал с досадой,
 Что полы путались в ногах,
 Что подвернуть шинель бы надо!
 Он задыхался, но бежал.
 Рубаха потная прилипла.
 Винтовку вскидывал, стрелял,
 «Ура!» выкрикивая хрипло.
 Нет, не был он душой жесток,
 Но, до предела разозлённый,
 Он, как бывало, вилы в стог,
 Всадил свой штык в мундир зелёный!..
 И тут же из последних сил
 Метнулся яростно на вспышку...
 Потом прикладом заслонил
 Соседа – бледного парнишку...
 Когда же бой затих вокруг,
 Волной горячей откатился,
 Он, ощущая тяжесть рук,
 К стене какой-то прислонился.
 Он ничего не говорил.
 Стёр капли пота с подбородка,
 Достал кисет и закурил,
 И с дымом выдохнул: – Работка!..

2.

Шёл день за днём. За боем – бой.
 Как он фашистов ненавидел!..
 Он видел танки пред собой –
 Последнее, что в жизни видел...
 Лежал не дома, на столе,
 Не посреди своей избушки,
 А на заснеженной земле,
 На вечереющей опушке.

Он был, казалось, невредим –
 Ни крови рядом, ни воронки.
 Снаряды фыркали над ним,
 И пули чмокали в сторонке.
 С руками накрест, на спине
 Лежал солдат на снежном поле.
 Лицо спокойно, как во сне,
 В нём ни страдания, ни боли.
 Но весь его спокойный вид
 Как бы кричал глухой планете:
 «Нет, я не умер! Я убит!
 А мог бы долго жить на свете».

3.

А в этот миг, сбиваясь с ног, –
 Ведь столько дел! – жена солдата
 К столу подносит чугунок:
 – Садитесь ужинать, ребята!
 В окошко виден снежный рой.
 Дремотен вечер, как усталость...
 Одна картошка. Да и той
 Немного в погребе осталось.
 Такой у малых аппетит!
 Пыхтят и губы обжигают.
 Их мать в окно на снег глядит,
 Молчит, украдкой вздыхает.
 Любви и нежности полна,
 Она невздадам не сдаётся:
 Вот скоро кончится война,
 Домой кормилец их вернётся.
 Прислал письмо. Десяток слов
 О немцах, Гитлере-бандите,
 И о себе – мол, жив-здоров,
 Мол, к посевной с победой ждите...
 И ждёт она весны большой,
 Нетерпеливо дни считает.
 ...А где-то там, где грохот, вой,
 В глазах кормильца снег не тает...

1965 г.

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 16)

*** *** ***

СТАРЫЙ СОЛДАТ

(триптих)

1.

Прожгла ракета ближний лес –
И с вещмешком своим, с винтовкой
Он через бруствер перелез
И побежал рысцой неловкой.
Не видел он, что там, вдали,
Откуда нёсся скрежет стали,
Фонтаны взорванной земли
На миг кустисто выросли.
Вот кто-то вскрикнул в двух шагах,
А он лишь чувствовал с досадой,
Что полы путались в ногах,
Что подвернуть шинель бы надо!
Он задыхался, но бежал.
Рубаха потная прилипла.
Винтовку вскидывал, стрелял,
«Ура!» выкрикивая хрипло.
Нет, не был он душой жесток,
Но, до предела разозлённый,
Он, как бывало, вилы в стог,
Всадил свой штык в мундир зелёный!..
И тут же из последних сил
Метнулся яростно на вспышку...
Потом прикладом заслонил
Соседа – бледного парнишку...
Когда же бой затих вокруг,
Волной горячей откатился,
Он, ощущая тяжесть рук,
К стене какой-то прислонился.
Он ничего не говорил.
Стёр капли пота с подбородка,
Достал кисет и закурил,
И с дымом выдохнул: – Работка!..

2.

Шёл день за днём. За боем – бой.
Как он фашистов ненавидел!..
Он видел танки пред собой –
Последнее, что в жизни видел...
Лежал не дома, на столе,
Не посреди своей избушки,
А на заснеженной земле,
На вечереющей опушке.

Он был, казалось, невредим –
 Ни крови рядом, ни воронки.
 Снаряды фыркали над ним,
 И пули чмокали в сторонке.
 С руками накрест, на спине
 Лежал солдат на снежном поле.
 Лицо спокойно, как во сне,
 В нём ни страдания, ни боли.
 Но весь его спокойный вид
 Как бы кричал глухой планете:
 «Нет, я не умер! Я убит!
 А мог ещё бы жить на свете».

3.

А в этот миг, сбиваясь с ног, –
 Ведь столько дел! – жена солдата
 К столу подносит чугунок:
 – Садитесь ужинать, ребята!
 В окошко виден снежный рой.
 Дремотен вечер, как усталость...
 Одна картошка. Да и той
 Немного в погребе осталось.
 Такой у малых аппетит!
 Пыхтят и губы обжигают.
 Их мать в окно на снег глядит,
 Молчит, украдкой вздыхает.
 Любви и нежности полна,
 Она невздам не сдаётся:
 Вот скоро кончится война,
 Домой кормилец их вернётся.
 Прислал письмо. Десяток слов
 О немцах, Гитлере-бандите,
 И о себе – мол, жив-здоров,
 Мол, к посевной с победой ждите...
 И ждёт она весны большой,
 Нетерпеливо дни считает.
 ...А где-то там, где грохот, вой,
 В глазах солдата снег не тает...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 58)

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля цветёт лучистым маем,
А дни его – огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!

Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
Живут, врагами даже не забыты,
Герои тех сороковых годов.

Но мчится время жёстко и упрямо,
Фронтовиков сужается всё круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.

Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?

Неужто впрямь случится так когда-то –
Всё порастёт, как говорят, быльём,
И, кроме Неизвестного солдата,
Не будут знать уж люди ни о ком?

Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика –
Земля их не забудет
Под вечным солнцем, в мире тишины.

Земля о них расскажет в блеске росном,
Любой высотке – памятник живой:
Где взрыв чернел фонтаном смертоносным –
Весной берёзам вспыхивать листвой!

Не раз Россия в будущие годы
Почтит их память в громе майских гроз
У вечного огня самой природы –
У пламени зелёного берёз.

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 19)

*** *** ***

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля цветёт лучистым маем,
А дни его – огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!

Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
Живут врагами даже не забыты,
Герои тех сороковых годов.

Но мчится время жёстко и упрямо,
Фронтовиков сужается всё круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.

Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?

Неужто впрямь случится так когда-то –
Всё порастёт, как говорят, быльём,
И, кроме Неизвестного солдата,
Не будут знать уж люди ни о ком?

Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика –
Земля их не забудет
Под вечным солнцем, в мире тишины.

Земля о них расскажет в блеске росном,
Любой высотке – памятник живой:
Где взрыв чернел фонтаном смертоносным –
Весной берёзам вспыхивать листвой!

Не раз Россия в будущие годы
Почтит их память в громе майских гроз
У вечного огня самой природы –
У пламени зелёного берёз.

*(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г.,
с. 31. Исчезла лишь запятая в 3-ей строчке
2-го четверостишия)*

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля цветёт лучистым маем,
А дни его – огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!

Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
Живут, врагами даже не забыты,
Герои тех сороковых годов.

Но мчится время жёстко и упрямо,
Фронтовиков сужается всё круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.

Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?

Неужто впрямь случится так когда-то –
Всё порастёт, как говорят, быльём,
И, кроме Неизвестного солдата,
Не будут знать уж люди ни о ком?

Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика –
Земля их не забудет
Под вечным солнцем, в мире тишины.

Земля о них расскажет в блеске росном,
Любой высотке – памятник живой:
Где взрыв чернел фонтаном смертоносным –
Весной берёзам вспыхивать листвою!

Русь не однажды в будущие годы
Почтит их память в громе майских гроз
У вечного огня самой природы –
У пламени зелёного берёз.

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с.
26. Изменилась первая строчка последнего
четверостишия, а исчезнувшая запятая
вернулась на место)*

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля озеленится маем,
А дни его – огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!

Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
Живут, врагами даже не забыты,
Герои тех сороковых годов.

Но мчится время жёстко и упрямо,
Фронтовиков былых всё уже круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.

Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?

Неужто впрямь случится так когда-то –
Всё порастёт, как говорят, быльём,
И, кроме Неизвестного солдата,
Не будут знать уж люди ни о ком?

Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика –
Земля их не забудет
Под вечным солнцем, в мире тишины.

Земля о них расскажет в блеске росном,
Любой высотке – памятник живой:
Где взрыв чернел фонтаном смертоносным –
Весной берёзам вспыхивать листвою!

Русь не однажды в будущие годы
Почтит их память в громе майских гроз
У вечного огня самой природы –
У пламени зелёного берёз.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 33)

НА ИСХОДНОМ РУБЕЖЕ

Рубеж исходный – в двух шагах.
Сосредоточились у леса.
Смятенье чувств, и в них не страх,
А что-то вроде интереса.

Мелькнула мысль: вдруг жизнь твою
Затянет узел смертной петли?
Каким он будет – жутким, нет ли –
Тот переход к небытию?..

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 16)

НИКТО НЕ ЗНАЛ

Под вечер в первый день войны,
Когда сраженье стихло вроде,
Нам среди непрочной тишины
Казалось: силы – на исходе.

И на одно нас всех, бойцов,
Толкала страшная усталость –
Упасть и спать без всяких снов,
Покуда бой отхлынул малость.

Пусть враг коварен и силён,
Пусть спесь фашиста обуяла,
Всё ж уничтожен будет он,
Как на Руси не раз бывало!

Все знали это. Одного
Никто не знал – сама столица, –
Какой же срок со дня того
Война кровавая продлится.

Едва ль представить кто-то мог,
Что жизнь и труд такого рода,
Когда ты за день изнемог,
Протянется четыре года...

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 9)

НА ПЕРЕДОВОЙ

Солнце – высоко над головою.
Зной плывёт, струится над землёй.
Ты лежишь, прислушиваясь к вою
Мин, летящих прямо над тобой...

Говорят, попав на фронт впервые,
Все во власти страха каждый час.
Не страшны, мол, грозы фронтовые
Тем, кто в бой идёт не в первый раз.

Мол, привычка... Ерунда! Не верьте.
Фронт – он фронт, не летняя гроза.
Как же так привыкнуть можно к смерти,
Если даже смотришь ей в глаза?

Смерть повсюду – в тонком свисте пули,
В вое мин, который душу рвёт,
В жутких взрывах бомб, в моторном гуле –
Смерть тебя на каждом метре ждёт.

Кажется, все пули и снаряды
Именно в тебя, в тебя летят...
Хорошо, что кто-то дышит рядом,
Незнакомый, но родной, как брат.

Вот опять от пушечного аха
По спине мурашки... Вот опять...
Всем несладко. Но сильнее страха
Чувство долга: надо воевать!

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 29)

*** *** ***

НА ПЕРЕДОВОЙ

Солнце – высоко над головою.
Зной плывёт, горит кругом земля.
Ты лежишь, прислушиваясь к вою
Мин, летящих прямо на тебя...

Смерть повсюду – в тонком свисте пули,
В вое мин, который душу рвёт,
В жутких взрывах бомб, в моторном гуле –
Смерть тебя на каждом метре ждёт.

Говорят, попав на фронт впервые,
Все во власти страха каждый час.

Не страшны атаки лобовые
 Тем, кто в бой идёт не в первый раз.
 Мол, привычка... Ерунда! Не верьте.
 Фронт – он фронт, не летняя гроза.
 Невозможно притерпеться к смерти,
 Хоть всё время смотришь ей в глаза!

Кажется, все пули и снаряды
 Именно в тебя, в тебя летят...
 Хорошо, что кто-то дышит рядом,
 Незнакомый, но родной, как брат.

Вот опять от пушечного аха
 По спине мурашки... Вот опять...
 Страшно всем. Ну, а сильнее страха
 Чувство долга: надо воевать.
 1969

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 14. Не только изменились некоторые слова, но и четверостишие «Смерть повсюду...», бывшее четвёртым, стало вторым)

НЕ ЗАБЫТЬ

Темнела ночь.
 Холодная, глухая.
 И вдруг, напомнив
 Дальнюю грозу,
 Нагрянул «Юнкерс»,
 Злобу изрыгая
 И угрожая нам: –
 Везу-у, везу-у...
 Темь небосвода
 Разрывая остро,
 Нет, не людей он
 Добрых в гости вёз...
 Пора забыть бы это,
 Да не просто –
 Тревожен мир
 От ядерных угроз.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 12)

ЛУНА

По домам, деревьям, в снег одетым,
Разливает сумрак синеву.
Лунный свет с фонарным спорит светом.
Зимний вечер – сказка наяву.

Воздух в блёстках, с запахом весенним.
У домов с узорами ветвей –
От луны расплывчатые тени
И чуть-чуть темней от фонарей.

Вижу счастье парочки влюблённой,
Слышу голос девушки. Она
Смотрит вверх как будто изумлённо.
– Ах, какая славная луна!

И с чего – не знаю, только снова
Вспомнил ночь далёкую одну...
В темноте, нахмурившись сурово,
Проклинали злобно мы луну.

Вот сейчас в немецкой обороне
Нас заметят. И – плохи дела.
Под луной мы все – как на ладони.
Рассиялась глупо. Предала!..

Много мирных солнечных рассветов
С той поры вставало над землёй.
Верный друг влюблённых и поэтов,
Лунный диск, свети во тьме ночной!

Пусть никто тебя не проклинает.
Пусть всегда, в любые времена
Чей-то голос тихо восклицает:
– Ах, какая славная луна!

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 71)

*** *** ***

ЛУНА

По домам, деревьям, в снег одетым,
Разливает сумрак синеву.
Лунный свет с фонарным спорит светом.
Зимний вечер – сказка наяву.

Воздух в блёстках, с запахом весенним.
У домов с узорами ветвей –

От луны расплывчатые тени
И чуть-чуть темней от фонарей.

В эту сказку зимнюю влюблённый,
Слышу голос девушки. Она
Смотрит вверх как будто изумлённо.
– Ах, какая славная луна!

И с чего – не знаю, только снова
Вспомнил ночь далёкую одну...
В тишине, нахмурившись сурово,
Проклинали злобно мы луну.

Вот сейчас в немецкой обороне
Нас заметят. И – плохи дела.
Под луной мы все – как на ладони.
Рассиялась глупо. Предала!..

Много мирных солнечных рассветов
С той поры вставало над землёй.
Верный друг влюблённых и поэтов,
Лунный диск, свети во тьме ночной!

Пусть никто тебя не проклинает.
Пусть всегда, в любые времена
Чей-то голос тихо восклицает:
– Ах, какая славная луна!

*(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 101.
В этой же редакции стихотворение вошло в
сборник «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 33.
Только добавилось тире в 4-ю строчку 2-го
четверостишия после слов: «...и чуть-чуть
темней...»)*

*** *** ***

ЛУНА

В эту сказку зимнюю влюблённый,
Слышу голос девушки. Она
Смотрит вверх как будто изумлённо:
– Ах, какая славная луна!

И с чего – не знаю, только снова
Вспомнил ночь далёкую одну...
В тишине, нахмурившись сурово,
Проклинали тихо мы луну.

Вот сейчас в немецкой обороне
 Нас заметят. И – плохи дела.
 Под луной мы все – как на ладони.
 Рассиялась глупо. Предала!..

...И хотя, проделав путь неблизкий,
 Жители обители земной
 Побывали там, на лунном диске,
 Он всё тот же – мирный и родной.

Пусть никто его не проклиняет.
 Пусть всегда, в любые времена,
 Чей-то голос тихо восклицает:
 – Ах, какая славная луна!

*(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 65.
 Изменения – налицо. А вот «В тишине ...
 проклинали тихо...», скорее всего,
 вольность московских издателей – ТАК
 Небогатов никогда бы не сказал!)*

ПОХОРОНКИ

Редкий дом обошла похоронка –
 Скорбный листик бумаги простой.
 Дорогая, родная сторонка
 Стала в годы войны сиротой.

Приглядись-ка вот к этому снимку,
 И кого здесь узнаешь, ответь.
 ...Дядя Глеб с тётей Клавой в обнимку!
 Лишь за месяц, как ей овдоветь.

*(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г.,
 с. 14. В сборниках «Вечерние огни», 1989 г.,
 с. 54, «Времени река», 1991 г., с. 27 и
 «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 18
 редакция осталась прежней, лишь название
 заменено на «звёздочки» и в последней
 строчке добавился восклицательный знак.
 Не надо забывать, что Михаила
 Александровича не стало 21 марта 1990
 года, и книжки, вышедшие после скорбной
 даты, готовила к печати его вдова, Мария
 Ивановна Небогатова)*

Она любовь другим дарила –
 Был муж на фронте, так далёк.
 – Война всё спишет! – говорила
 В ответ на чей-нибудь упрёк.

И доставала спирт и сало
 Ему, любовнику тех лет...
 Война-то, может, и списала,
 А вдовы всех погибших – нет.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 70)

Покидают тихо жизни праздник
 Те, чьё имя: бывший фронтовик.
 Самый молодой войны участник –
 Сын полка – и тот уже старик...

Вот газета. Там, где про осадки,
 Про театр и фильмы строчек строй,
 Траурные рамки – как оградки
 Над могилой, над землёй сырой...

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 23. Эта же редакция и в сборнике «Вечерние огни», 1989 г., с. 111)

ДНЕВНИК

Когда в Россию вал войны проник,
 Немецкий генштабист – педант он строгий! –
 Всё чаще, чаще заносил в дневник:
 «Нет продвиженья». «Трудные дороги»...

Похожи эти записи на крик
 Душевного отчаянья, тревоги.
 Надеялись фашисты на блиц-криг –
 Не тут-то было: протянули ноги...

Затем опять цепочка грустных строк:
 «Войска упали духом – злые зимы...»
 Да, истинно, в Россию, на восток,
 Дороги для врагов непроходимы.

Но суть отнюдь не в трудности дорог,
А в том, что люди здесь непобедимы!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 19)

ВОДА

Как хороша вода бывает в зной
Из родника, из речки, из-под крана!
Казалось, мелочь, но ничуть не странно,
Что в ней – частица радости земной...

И то надолго память сберегла,
Как раненый я пил из чёрной лужи.
Что может быть на взгляд обычный хуже?
Но помню: сладкой та вода была.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 17)

*** *** ***

Как хороша вода бывает в зной
Из родника лесного, из-под крана!
Как будто мелочь, но ничуть не странно,
Что в ней – частица радости земной...

И то надолго память сберегла,
Как раненый я пил из чёрной лужи.
Что может быть на взгляд обычный хуже?
Но помню: лужа сладкою была.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 30)

ПУЛЯ

Едва рванулись мы за лог,
 Деревне маленькой навстречу,
 Вдруг – пулемёт. Наш взвод залёг...
 И слышу – дёрнуло за плечи.
 Но тут же громкое «Ура-а!»
 И вновь вперёд, что духу было,
 Туда, откуда немчура
 Очередями густо била.
 Вперёд, вперёд сквозь жаркий шквал,
 Пока весь гнев, весь пыл не вылит!
 ...Потом я вещмешок свой снял –
 В нём котелок пробит навывлет.
 Сидел я в занятой избе,
 Разгорячённый и усталый.
 И стало вдруг не по себе
 От краткой мысли запоздалой:
 Уже я был бы неживой,
 Чуть-чуть пониже пуля брызги –
 Она прошла над головой
 Всего на полвершка от жизни...

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 18)

*** *** ***

ПУЛЯ

Едва рванулись мы за лог,
 Деревне маленькой навстречу,
 Вдруг – пулемёт. Наш взвод залёг...
 И слышу – дёрнуло за плечи.
 Но тут же громкое «Ура-а!»
 И вновь вперёд, что духу было,
 Туда, откуда немчура
 Очередями густо била.
 Вперёд, вперёд сквозь жаркий шквал,
 Покуда с ног не сбит, спеши ты!
 ...Потом я вещмешок свой снял –
 В нём котелок, насквозь прошитый.
 Сидел я в занятой избе,
 Разгорячённый и усталый.
 И стало вдруг не по себе
 От краткой мысли запоздалой:

Уже я был бы неживой,
 Чуть-чуть пониже пуля брызги –
 Она прошла над головой
 Всего на полвершка от жизни...

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с.52)

*** *** ***

Едва рванулись мы за лог,
 Деревне маленькой навстречу,
 Вдруг – пулемёт. Наш взвод залёг...
 И слышу – дёрнуло за плечи.
 Но тут же громкое «ура-а!»
 И вновь вперёд, что духу было,
 Туда, откуда немчура
 Очередями густо била.
 Вперёд, вперёд сквозь жаркий шквал,
 Покуда с ног не сбит, спеши ты!
 ...Потом я вещмешок свой снял –
 В нём котелок, с боков прошитый.
 Сидел я в занятой избе,
 Разгорячённый и усталый.
 И стало вдруг не по себе
 От краткой мысли запоздалой:
 Уже я был бы неживой,
 Чуть-чуть пониже пуля брызги –
 Она прошла над головой
 Всего на полвершка от жизни...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 51; эта же редакция в сборнике «Времени река», 1991 г., с. 28 – без названия и со словом «ура-а!» с маленькой [строчной] буквы)

В ГОСПИТАЛЕ

Год сорок третий. Госпиталь в Боржоми.
 Глаза откроешь: в окнах – стены гор,
 Как мачты, сосны в утренней истоме.
 Внизу Куры с камнями вечный спор.

В палате белой, будто в отчем доме,
 Покой и свет. И тихий разговор.
 Вдруг гром моторный. И при этом громе
 Под койку лезет сумрачный майор.

Ему бомбёжек чудятся раскаты.
 Он весь изранен и контужен был.
 Никто не скажет: мол, зачем, куда ты?
 В нём ужас, страх доныне не остыл...

На нас не гимнастёрки, а халаты,
 Но как поверить: здесь не фронт, а тыл?

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 20)

*** *** ***

СОНЕТ

Год сорок третий. Госпиталь в Боржоми.
 Глаза откроешь: в окнах – стены гор...
 Как мачты, сосны в утренней истоме.
 Внизу – Кура, кизилковый узор.

В палате белой, будто в отчем доме,
 Покой и свет. И тихий разговор...
 Гром самолётный. И при этом громе
 Под койку лезет сумрачный майор.

Ему бомбёжек чудятся раскаты.
 Он весь изранен и контужен был.
 Никто не скажет: мол, зачем, куда ты?
 В нём ужас тот доныне не остыл...

На нас не гимнастёрки, а халаты,
 Но как поверить: здесь – не фронт, а тыл?..

*(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 58;
 эта же редакция в сборнике «Времени
 река», 1991 г., с. 13)*

В ГОСПИТАЛЕ

Забуду ль я когда-нибудь,
Когда пройдёт в душе невзгода,
Про весь бредовый, сложный путь,
Какой прошёл я за два года?

Теперь, пока грозы уж нет,
Пока опасность миновала,
Я удивляюсь, что не сед,
Что юность восторжествовала.

Всё это сон. Не может быть,
Чтоб эти руки убивали!
Они ль, когда я мог любить,
Так нежно девушку ласкали?

Да, это сон. Тяжёлый сон.
Он полон страшного кошмара.
Когда я буду разбужён,
Когда очнусь я от удара?

Смогу ли я ещё любить,
Жалеть и плакать, так, как прежде,
Весёлым быть, мечтать и жить,
Вверяясь счастью и надежде?

Не знаю. Но пока судьбой
Я точно предан злему змею:
Смеюсь над всеми и собой,
Но прежним быть ещё не смею.

1943 г.

Публикация М. Небогатовой.

(Из сборника «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 23)

ПОДМОСКОВЬЕ, 1942

Безлюдный посёлок, разрушенный в прах,
 В морозном мерцанье восхода
 Фашисты, которых преследовал страх,
 Оставили после отхода.

Всё в белом сверкании солнечных брызг,
 Как в мёртвых лучах киносъёмки –
 Орудья и танки, разбитые вдрызг,
 И труб, и заборов обломки.

Верней, не орудья, о контуры их,
 Не танки, а их очертанья
 В наносах, в холмистых сугробах крутых,
 Как белый погост мирозданья...

Звучали, как выстрелы, скрипы шагов.
 И слышал я – верьте не верьте –
 Не просто дыханье холодных снегов, –
 Дыханье холодное смерти.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 20. Эта же редакция и в сборнике «Вечерние огни», 1989 г., с. 62, только уже без последнего четверостишия)

...Выли бомбы, сыпалась щебёнка,
 И в обломках где-то под стеной
 Замирал предсмертный крик ребёнка...
 До сих пор звучит в тиши ночной.

А забыть ли старца близ дороги,
 Как, вокруг не видя ничего,
 Всё стонал он: – Ноги мои, ноги...
 Оторвало ноги у него.

...Защитить от памяти нас нечем.
 Но не всё убить смогла война.
 Пусть тела отмечены увечьем –
 Добротой, теплом душа полна.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 21)

ТЕАТР ВОЙНЫ

Прифронтовая полоса.
 Пусты домов глазницы.
 Стал сизым пеплом клин овса
 И рядом – клин пшеницы.
 А вот – обуглена изба.
 В чаду листва акаций.
 Театр войны. Дома, хлеба –
 Мертвее декораций.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 21).

*** *** ***

Прифронтовая полоса.
 Пусты домов глазницы.
 Стал сизым пеплом клин овса,
 Стал серым клин пшеницы.
 А вот – обуглена изба.
 В чаду листва акаций.
 Театр войны. Дома, хлеба –
 Мертвее декораций.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 56)

ТАНКИ

Когда, бывало, в обороне
 Нам не хватало больше сил,
 И жизнь, и смерть – в одном патроне,
 А враг атакою грозил,

Не знали мы минуты краше –
 Услышать сзади слитный гром.
 – Ребята, танки! Танки наши
 Вон показались над бугром!

Навстречу им снаряды выли,
 Но танки шли, огнём слепя.
 Всё сокрушали, всё давили,
 Всё подминали под себя!

...И я сегодня рад безмерно.
 В прищуре нынешнего дня
 Открою вдруг: «На них, наверно,
 Была кузнецкая броня!»

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 24)

*** *** ***

ТАНКИ

Когда, бывало, в обороне
 Нам не хватало больше сил,
 И жизнь, и смерть – в одном патроне,
 А враг атакою грозил,

Не знали мы минуты краше –
 Услышать сзади слитный гром.
 – Ребята, танки! Танки наши!
 Вон показались над бугром! –

Навстречу им снаряды выли,
 Но танки шли, огнём слепя.
 Всё сокрушали, всё давили,
 Всё подминали под себя!

И были рады мы безмерно.
 В траву окурков оброня,
 Я думал гордо: «Есть, наверно,
 На них кузнецкая броня!»

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 66)

ПОСЛЕ БОЯ

За селом,
 Где гитлеровцы драпали,
 Где снега от гусениц визжат,
 Два солдата –
 Наш и немец – на поле,
 Кончив рукопашную, лежат...
 Смотрят в небо,
 Мёртвые, безгласные,
 Бившиеся насмерть за село,
 Лишь теперь по-мирному согласные,
 Что война – ужаснейшее зло...

*(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г.,
 с. 61; «Времени река», 1995 г., с. 28)*

Ещё когда босые по ромашке
 Мы бегали, мне нравилось встречать
 Военных – в портупее и фуражке,
 Умевших в ногу весело шагать.

 Смотрел с восторгом я на скатки, фляжки,
 На боевую выправку и стать.
 А запоют – уж по спине мурашки.
 О, как хотелось мне военным стать!

 Не ведал я, не представлял в натуре,
 Что корень слова этого – «война».
 Как тяжек ратный труд в военной буре,
 Узнал, когда нагрянула она.

 На собственной, как говорится, шкуре
 Я испытал мечту свою сполна.

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 8;
 эта же редакция – в сборнике «Благодарю,
 благодарю...», 1995 г., с. 19)*

ПУТЬ ОТСТУПЛЕНИЯ ПОСТЫЛ...

Ох, как путь отступления постыл!
 На восток от границы от самой
 Отправляют нас временно в тыл,
 Всех, недавно расставшихся с мамой.

И пылит, и пылит грузовик
 Среди поля от зноя седого.
 Командир, лейтенант-кадровик,
 Не таит нетерпения злого:

– Как же так?.. Ведь с Россией беда!
 Неужель, как овечки, мы кротки?
 Для чего ж нам винтовки тогда?
 Зря мы, что ли, надели пилотки?..

От загара, от злости пунцов,
 Он из кузова смотрит в тревоге
 На усталых, небритых бойцов,
 Что у борта идут по дороге.

Он забыл, что у нас, у ребят,
 Должен дух поднимать...

– Это что же? –

И ремни на нём гневно скрипят.
 – Это просто на бегство похоже!

А в ответ – не ему одному! –
 Небо глухо моторами стонет...
 – Не пойму. Ничего не пойму.
 Гонит немец! И гонит, и гонит!

Гул всё ближе. Мы в небо глядим:
 Бомбовозы. Тяжёлая стая.
 Мимо. Курсом особым, своим.
 Не бомбят, будто нас презирая...

– Ладно. Встретиться б только в бою... –
 Незажжённую смял папироску.
 – Отведу ещё душу свою.
 Поиспорчу фашисту причёску!

В ритме будничных, праздничных дел
 Как же верить мне хочется ныне,
 Что в боях лейтенант уцелел,
 Побывал, может статься, в Берлине.

Что сполна в сорок пятом году
 Наглой спеси фашистского сброда
 Сам воздал он за нашу беду –
 За июнь сорок первого года.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 11; в сборнике «Вечерние огни», 1989 г., с. 43 название заменено «звёздочками» и изменено две строчки: «Иль забыл, что у нас, у ребят,/ Должен дух поднимать?..»)

МАМАЕВ КУРГАН

Сюда через годы к подножью кургана
 Посланцами нашей сибирской земли
 Приехали в гости войны ветераны
 И саженцы кедров с собой привезли...

Стоят ветераны, молчат, вспоминают,
 Как здесь воевали в далёкие дни.
 Молчат ветераны, лишь горько вздыхают:
 Погибших друзей вспоминают они...

С кургана Мамаева видятся близко
 Кремлёвские звёзды и улочки сёл.
 Сибирские кедры – как строй обелисков,
 Как память о тех, кто с войны не пришёл.

Уж целую вечность мы с ними в разлуке.
 Они – возле Волги, у малых ли рек...
 Пускай же солдатские дети и внуки
 Военного дыма не видят вовек!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1976 г., с. 25)

НА ПЕРЕДОВОЙ

Солнце – высоко над головою.
 Зной плывёт, струится над землёй.
 Ты лежишь, прислушиваясь к вою
 Мин, летящих прямо над тобой...

Говорят, попав на фронт впервые,
 Все во власти страха каждый час.
 Не страшны, мол, грозы фронтовые
 Тем, кто в бой идёт не в первый раз.

Мол, привычка... Ерунда! Не верьте.
 Фронт – он фронт, не летняя гроза.
 Как же так привыкнуть можно к смерти,
 Если даже смотришь ей в глаза?

Смерть повсюду – в тонком свисте пули,
 В вое мин, который душу рвёт,
 В жутких взрывах бомб, в моторном гуле –
 Смерть тебя на каждом метре ждёт.

Кажется, все пули, все снаряды
 Именно в тебя, в тебя летят...
 Хорошо, что кто-то дышит рядом,
 Незнакомый, но родной, как брат.

Вот опять от пушечного аха
 По спине мурашки... Вот опять...
 Всем несладко. Но сильнее страха
 Чувство долга: надо воевать!

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 29)

*** *** ***

НА ПЕРЕДОВОЙ

Солнце – высоко над головою.
 Зной плывёт, горит кругом земля.
 Ты лежишь, прислушиваясь к вою
 Мин, летящих прямо на тебя...

Смерть повсюду – в тонком свисте пули,
 В вое мин, который душу рвёт,
 В жутких взрывах бомб, в моторном гуле –
 Смерть тебя на каждом метре ждёт.

Говорят, попав на фронт впервые,
 Все во власти страха каждый час.
 Не страшны атаки лобовые
 Тем, кто в бой идёт не в первый раз.

Мол, привычка... Ерунда! Не верьте.
 Фронт – он фронт, не летняя гроза.
 Невозможно притерпеться к смерти,
 Хоть всё время смотришь ей в глаза!

Кажется, все пули, все снаряды
 Именно в тебя, в тебя летят...
 Хорошо, что кто-то дышит рядом,
 Незнакомый, но родной, как брат.

Вот опять от пушечного аха
 По спине мурашки... Вот опять...
 Страшно всем. Ну, а сильнее страха
 Чувство долга: надо воевать.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 14)

Каждый день встречаемся мы с ними
 Всюду и везде, где жизнь шумит,
 С этими людьми немолодыми,
 Часто неприметными на вид...

Вот идёт в толпе с тобою рядом
 Пожилой, сутулый гражданин.
 А ведь он в бою под Сталинградом
 Роту немцев сдерживал один!

Вот седой, с рассеченною бровью,
 Открывает дверцы нам шофёр.
 А когда-то в снежном Подмосковье
 Он крушил эсэсовцев в упор!

А вот тот, с ногой скрипящей странно,
 «Юнкерса» таранил под Орлом!..
 Всем вам, боевые ветераны,
 Мы поклон свой низкий отдаём.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 28)

Он с фотокарточки смеётся,
 Такой счастливый, молодой...
 А в поле, где позёмка вьётся,
 Над ним – лишь столбик со звездой.

И ничего здесь не поправить...
 Он был ровесником моим.
 Но не могу никак представить
 Его и старым, и седым.

Глядеть на снимок – сердцу больно,
 В нём острой горечи комок.
 И вопреки всему невольно
 С губ так и просится: – Сынок...

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 7)

НА ПРИВАЛЕ

О, сладкое слово команды: «Привал!»
 На снег – и готово, и в сон наповал.
 Но это другие. Но это не я.
 В минуты такие мне нет забытья.

Смыкаю упрямо глаза. Ни к чему!
 Мне видится мама в родимом дому.
 Её полушалка вдыхаю тепло...
 Себя мне не жалко. Пусть мне тяжело.

Ведь я же со взводом и с ротой родной.
 А ей каково там, старушке, одной?
 Мучительно снова представить свой дом...
 О, сладкое слово команды: «Подъём!»

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 17; без названия, под «звёздочками», это же стихотворение – в сборниках: «Лето», 1981 г., с. 57; «Перепёлка», 1988 г., с. 54 и «Вечерние огни», 1989 г., с. 46. Текст не изменился, лишь кое-где появились тире, например: «...и в сон – наповал...», «... каково там – старушке, одной?»)

Легко на воле дышится,
 Не воздух – сладкий сок.
 Вдруг «папа, папа!» слышится
 Родной мне голосок.

В цветах – панамка белая.
 Дыханье затая,
 Глядит вокруг, несмелая,
 Светлана, дочь моя.

Наверно, очень жуткими
 Ей кажутся кусты.
 Синеют незабудками
 Глазёнки: «где же ты?»

– Ау! – кричу шутливо я.
 Увидела меня!
 Бежит ко мне, счастливая,
 Забавно семеня...

И в памяти жестокая
 Картина ожила...
 Такая ж синеокая
 Та девочка была.

На поле распростёртая,
 В таких же вот цветах,
 Она лежала – мёртвая –
 С игрушкой в руках.

А птица с чёрной свастикой
 Над ней, звеня, вилась.
 Светланой или Настенькой
 Та девочка звалась?..

Мы помним все лишения...
 И горе тем врагам,
 Кто новые сражения
 Готовит нынче нам!

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 93; эта же редакция в сборнике «Моим землякам», 1958 г., с. 74)

*** **

Легко на воле дышится,
 Не воздух – сладкий сок.
 Вдруг – «Папа, папа!» – слышится
 Родной мне голосок.

В цветах – панамка белая.
 Дыханье затая,
 Глядит вокруг, несмелая,
 Светлана, дочь моя.

Наверно, очень жуткими
 Ей кажутся кусты.
 Синеют незабудками
 Глазёнки: «Где же ты?»

– Ау! – кричу шутливо я.
 Увидела меня!
 Бежит ко мне, счастливая,
 Забавно семеня...

А в памяти жестокая
 Картина ожила...
 Такая ж синеокая
 Та девочка была.

На поле распростёртая,
 В таких же вот цветах,
 Она лежала – мёртвая –
 С игрушкой в руках.

Светилось небо ласково,
 Как в этой тишине.
 Лишь птица с чёрной свастикой
 Кружила в вышине.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 22; в этой, последней, редакции стихотворение опубликовано и в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 22. Изменения не только в некоторых знаках препинания, но и в том, что два последних четверостишия из первоначального варианта стихотворения «ушли». Их место заняло одно четверостишие, в котором, по-прежнему, есть «птица с чёрной свастикой»)

НА ПОСТОЕ

Он на ночь здесь.
 Хозяйка молодая...
 Прилѣг, усталый,
 В угол на шинель.
 Подушку взял,
 Обидеть не желая,
 Не отказался (роскошь!)
 Брать постель.
 Не спят, вздыхают оба
 До рассвета,
 Она в кровати,
 Он – в своём углу.
 С ней рядом муж,
 Хоть на войне он где-то,
 А с ним – жена,
 Что ждёт его в тылу...

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 55. К этому сборнику у Михаила Александровича было много претензий: около девяти лет лежал в Москве без движения; к тому же, слишком много опечаток, и не только грамматических, но и смысловых. Здесь это в строчке про постель – роскошь. У автора было: «...НО отказался (роскошь!) / брать постель...». Сделав лишь одну ошибку, исказили смысл, а ведь отказ постояльца – из чувства скромности, из нежелания лишний раз побеспокоить хозяйку...)

*** *** ***

НА ПОСТОЕ

Он на ночь здесь.
 Хозяйка – молодая...
 Прилѣг, усталый,
 В угол на шинель.
 Подушку взял,
 Обидеть не желая,
 Но отказался (роскошь!)
 Брать постель.

Не спят, вздыхают оба
 До рассвета,
 Она – в кровати,
 Он – в своём углу.
 С ней рядом муж,
 Хоть он на фронте где-то,
 А с ним – жена,
 Что ждёт его в тылу...

*(В этом варианте стихотворение вошло в
 сборники «Вечерние огни», 1989 г., с. 45;
 «Времени река», 1995 г., с. 29 и «Благодарю,
 благодарю...», 1995 г., с. 21)*

ЛЕТО 1941-ГО

Целый день по жаре отступая,
 Мы в посёлок под вечер пришли.
 В мыслях, в теле усталость такая!
 Здесь ночуем, от немца вдали.

Благо, здание клуба пустое.
 Миг – вповалку на голом полу,
 Будто где-то на долгом постое,
 Будто где-то в глубоком тылу.

Но тотчас донесенье разведки,
 Приказание: – Дальше идти!
 Догоняют нас вражьи танкетки.
 Километрах уже в десяти.

Как так вышло – враги на колёсах,
 Мы же всё – на своих на двоих?..
 Вновь отходим. И в наших вопросах –
 Горечь, боль без ответа на них...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 40)

ПРИЗЫВНИКИ

Апрель сорок первого года.
 Тепло проводила родня.
 Иная земля и погода,
 Иные друзья у меня.
 Нас мчал эшелон из Сибири.
 И хлопцы с рассветной зари
 На горы, привольные шири
 Смотрели, толпясь у двери.
 В одежде пока ещё штатской,
 Но в чём-то армейцы уже,
 Мы к будущей жизни солдатской
 Все были готовы в душе...
 Сперва, до предгорий Урала –
 Ложбинки местами в снегу,
 А там уже в лето вступала
 Весна на зелёном лугу.
 Когда ж украинские хаты
 Блеснули своей белизной,
 Послышались грома раскаты,
 Был дождь почти летний. И зной.
 Нам вслед ребятишки махали
 И женщины в лёгких платках.
 Ни тени тоски и печали –
 Улыбки цвели на губах...
 Сияло апрельское солнце.
 И думать не думалось мне,
 Что мирный наш поезд несётся
 Навстречу Великой войне...

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 7)

*** *** ***

Апрель сорок первого года.
 Тепло проводила родня.
 Иная земля и погода,
 Иные друзья у меня.
 Нас мчал эшелон из Сибири.
 И парни с рассветной зари
 На горы, привольные шири
 Смотрели, толпясь у двери.
 В одежде пока ещё штатской,
 Но в чём-то армейцы уже,

Мы к будущей жизни солдатской
 Все были готовы в душе...
 Сперва, до предгорий Урала –
 Ложбинки местами в снегу,
 А там уже в лето вступала
 Весна на зелёном лугу.
 Когда ж украинские хаты
 Блеснули своей белизной,
 Послышались грома раскаты,
 Был дождь почти летний. И зной.
 Нам вслед ребятишки махали
 И женщины в лёгких платках.
 Ни тени тоски и печали –
 Улыбки цвели на губах...
 Сияло апрельское солнце.
 И думать не думалось мне,
 Что мирный наш поезд несётся
 Навстречу Великой войне...

*(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 47.
 Эта же редакция в сборнике «Благодарю,
 благодарю...», 1995 г., с. 10. Изменилась
 лишь пара строк и убрано название)*

АПРЕЛЬ 1941-ГО

Апрель был солнечно-беспечным.
 Шумел перрон, хмельной слегка.
 С благословением извечным
 Прильнула мать к плечу сына.
 – Ну, что ты вдруг загоревала?
 Я ж просто в армию иду...
 Но сердце матери вещало
 Ещё неясную беду.
 Доныне вижу: слёзы льются,
 В морщинках светятся они.
 – Дай бог тебе живым вернуться.
 Господь тебя оборони...
 Но мне ничуть не до печали.
 Лишь боль от скорбного лица.
 А так – вся жизнь ещё в начале,
 И нет ей, кажется, конца.
 С чего живым-то не вернусь я?
 Покоем, миром жизнь красна.

И так безоблачно над Русью,
Такая ясная весна!
Я с мамой, с городом над Томью
Прощался весело, шутя.
Кто знал, что слёзы эти вспомню
Всего два месяца спустя...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 34. В этой же редакции стихотворение напечатано и в сборнике «Времени река», 1995 г., с. 26, только сделано одно изменение: «морщинки» стали «морщинами»)

ЛЕТО, 1941

Когда, прижимаясь к земле
Щекою, беспомощным телом,
Зажмуренный, словно во мгле,
Лежишь под воздушным обстрелом, –

Вся память твоя и душа
Пронизаны тем ощущеньем,
Тем чувством, что жизнь хороша
Любым своим кратким мгновеньем.

Любым, даже этим, когда
Вдыхаешь ты запах землицы,
И все, что прожиты, года –
Не зори, а только зарницы.

Так краток их издали блеск,
Мелькнули – не видно их боле.
А с неба – стремительный треск,
Он слит с ожиданием боли.

А может, не будет её,
Всё будет гораздо короче –
Кольнёт только сердце твоё
И весь ты – в бездонности ночи?

Мгновенна и жалость к себе,
И грусть о живущем мгновенна...
– Отбой! – Донесётся к тебе.
Приходишь в себя постепенно.

Колонна опять на ногах,
И «мессеров» как не бывало.
Всё стихло. И только в висках
Гул крови, как после обвала.

И рад, несказанно ты рад,
Что смерть обошла стороною;
Что видишь далёкий закат,
Хоть он и замедлен войною.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 48)

ПАХАРЬ

Он помнит то давнее лето,
Что буйно цвело у окна.
Был громом в тиши сельсовета
Звонок телефонный: – Война!..

И в голос все бабы завыли,
Детишки испуганно – в крик...
А утром – лишь облако пыли,
Кормильцев увёз грузовик.

Не думал он, пахарь, когда-то
В своей полевой тишине,
Что в жёсткой шинели солдата
Пройдёт по великой войне.

Доныне всё видится-снится,
Как «тигры», один к одному,
Идут, подминая пшеницу,
Как будто идут по нему...

*(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 59.
Эта же редакция в сборнике «Времени
река», 1991 г., с. 27)*

РОТНЫЙ

– Запевай! –
 Но молчим мы. Усталость тупая.
 – Стой! Налево! Ложись!
 По-пластунски вперёд! –
 И ползём, задыхаясь
 И в рыхлом снегу утопая...
 Что за чёрт командир!
 На ученьях со света сживёт...

Зашагали опять.
 – Запевай! –
 И сдались мы – запели.
 Был настойчив наш ротный.
 Добиться умел своего...
 Ну, а главное то,
 Что в атаке спустя две недели
 В рост идущим под пулями
 Мы увидали его!

И потом лишь о нём
 Разговору и было
 Среди нас, уцелевших
 Под острым огнём ножевым:
 – Как там наш лейтенант?
 Он живой ли? Его не убило?... –
 Всем нам очень хотелось,
 Чтоб ротный остался живым.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 50)

*** **

РОТНЫЙ

– Запевай! – Но молчим.
 Злость на ротного в сердце тупая.
 – Стой! Налево! Ложись!
 По-пластунски вперёд! –
 И ползём, задыхаясь
 И в рыхлом снегу утопая...
 Что за чёрт командир!
 На ученьях со света сживёт...
 Зашагали опять.
 – Запевай! – И сдались мы – запели.

Был настойчив наш ротный –
 Добиться умел своего.
 Ну, а главное то,
 Что в атаке спустя две недели
 В рост идущим под пулями
 Мы увидали его!
 И потом лишь о нём
 Разговору и было
 Среди нас, уцелевших
 Под острым огнём ножевым:
 – Как там наш лейтенант?
 Он живой ли? Его не убило?.. –
 Всем нам очень хотелось,
 Чтоб ротный остался живым.

*(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с.
 37)*

Могут посчитать, что ловим блох мы,
 Говоря об этом в сотый раз:
 У артистов – битловские лохмы,
 А ведь фильм-то про войну,
 Про нас.

Пусть играешь маленькую рольку,
 Всё – до стрижки! – правдой быть должно.
 «Полубокс» любили мы
 И «польку»,
 А не патлы эти, что в кино.

*(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 71.
 Такая же редакция и в сборнике «Вечерние
 огни», 1989 г., с. 112, только в третьей
 строчке первого четверостишия слово
 «битловские» лохмы...)*

В НАСТУПЛЕНИИ

Мы наступали дружно, смело.
 И был рубеж немецкий взят...
 Гигантской кузницей гремела
 Окрестность эта час назад.
 Железный лом кругом, воронки
 И распростёртые тела...
 Вновь с болью в сердце похоронки
 Писать – есть писарю дела...
 Был танк и тот не твёрже воска
 Здесь, в круговерти огневой.
 И вот где чудо-то:
 Берёзка
 Стоит с нетронутой листвой!
 Стоит, как будто так и надо,
 Спокойно новой ждёт поры.
 И ни царапины, ни чада
 На белизне её коры.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 53)

*** *** ***

В НАСТУПЛЕНИИ

Мы наступали дружно, смело.
 И был рубеж немецкий взят...
 Гигантской кузницей гремела
 Окрестность эта час назад.
 Железный лом кругом, воронки
 И распростёртые тела...
 Вновь на кого-то похоронки
 Писать – есть писарю дела...
 Был танк – и тот не твёрже воска
 Здесь, в круговерти огневой.
 И вот где чудо-то: берёзка
 Стоит с нетронутой листвой!
 Стоит, как будто так и надо,
 Какой-то новой ждёт поры.
 И ни царапины, ни чада
 На белизне её коры.
 А в поле, всем ветрам открытом,
 Всё дальше, дальше гром и гул...
 Берёзка над бойцом убитым
 Несёт почётный караул...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 53)

АККОРДЕОН*Памяти брата Григория*

1

Детьми судьба их обделила.
 А тут и старость в свой черёд...
 И до чего же любо-мило,
 Когда племянник вдруг зайдёт.
 Вот и сегодня полной чашей
 Его опять встречает стол.
 – Ты по пути, наверно, Саша?
 – Нет. Попроведывать пришёл.
 Как жизнь-то?
 – Лучше всех, пожалуй, –
 Хозяин весело в ответ.
 Живём, кряхтим, скрипим помалу.
 Других у нас занятий нет. –
 Но в грустноватом настроенье
 Из-за стола поднялся он,
 Взял и поставил на колени
 Трофей войны – аккордеон.

2

И была торжественность в моменте:
 Голову склонив, прикрыв глаза,
 Слушал фронтовик, как в инструменте
 Возникали жизни голоса.
 Так уже бывало не впервые:
 Забывал племянника, жену,
 Помнил лишь дороги фронтовые,
 Долгую, тяжёлую войну.
 Помнил, как военным первым летом
 Там, где не смолкал
 И гром, и свист,
 Был фашист –
 Секрета в этом нету –
 И силён, и весел, и форсист.
 Как, столкнув бойцов
 Под яр, в болотце,
 Рядом, в нашем занятом селе,
 Гоготали немцы у колодца,
 От разбойных дел навеселе.
 И всего больнее в той печали
 Было для оставшихся в живых,

Как фашисты во дворах играли
На своих гармониках губных.
Раздражая, душу надрывая,
Будто наждаком её скребя,
Заливалась музыка чужая,
Точно где-то дома у себя.
Помнил, как всего одним снарядом,
Встав перед последнею межой,
С ненавистью бил по наглым гадам,
По занудной музыке чужой!
Вы хотели русских взять нахрапом?
Получайте!..
Взрыв – и тишина.
Словно им заткнули пасти кляпом –
Ни одна гармошка не слышна!
Но крепка была фашистов сила
В сорок первом.
Шла и шла вперёд.
Всё живое на пути косила.
Где он, орудийный твой расчёт?
Весь уложен...
Сам ты выжил чудом.
Эх, поля, чужие и свои!
Сколько не вернулось нас оттуда,
Сколько искромсали нас бои...
Да и ночи, месяцы и годы,
Вы тянулись медленной арбой.
Вы ползли, но Родины невзгоды
Оставляли в прошлом, за собой.
Вот уже в немецкое предместье
Наши танки врезались, пыля.
Вот уж наше русское возмездье –
Над тобой, германская земля!..
И однажды майским синим утром
Шустрый батарец Ерофей
Новенький, сверкавший перламутром,
Притащил комбату свой трофей.
Осторожно (очень бережливый)
Он открыл футляр, как чемодан.
– Посмотри, какой струмент красивый.
На, играй, товарищ капитан!.. –
И затишье краткое наруша,
Зазвенел мотив родной, простой:

Выходила на берег Катюша,
 На высокий на берег крутой...
 Вспомнились любимые мотивы:
 Выплывают Разина челны...
 Заиграли звуки-переливы
 Про Иртыш, про плеск его волны...
 А когда ударили салюты
 В честь Победы – вспыхнули меха
 Золотом. Счастливые минуты!
 И была та музыка лиха!
 Пели и ребята, и девчата.
 Песня к солнцу,
 К миру всех звала.
 Пели: помирать нам рановато,
 Дома есть у нас ещё дела!
 Побросав на землю сумки, ранцы,
 Зная точно: Гитлеру – капут,
 Из союзных армий иностранцы
 Слушали, как русские поют...

3

– Ну, всё. Небось вам надоело?
 – Нет, дядя Гриша, ты – талант.
 Не просто любишь это дело,
 А настоящий музыкант!
 – До музыкантов далеко мне.
 Они, сам знаешь, на виду.
 А я лишь так... Войну припомню,
 Возьму – и душу отведу...

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 61)

Ночью был об отходе приказ.
 Мы в траншее с товарищем спали...
 В темноте не заметили нас.
 Не проснись мы – и всё бы, пропали.
 Шли бесшумно, храня тишину.
 Лишь в груди от простуды свистело.
 Даже мысль – оказаться в плену –
 Пробирала мурашками тело.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 38)

Призывники, мы так немного
Прожили мирно. Краткий срок...
Доныне слышу крик: «Тревога!»
В казарме – шум и топот ног.

Не понимая, что такое,
Поспешно спрыгивая с нар,
Увидел я в окно большое,
Как горизонт объял пожар.

А ближе, низко над домами,
Шёл самолёт, на вид – не наш:
Он и сейчас перед глазами –
Продолговатый фюзеляж.

Спросонок всё так незнакомо
И как-то странно всё кругом:
Со стороны аэродрома,
Чернея, дым вставал столбом...

Потом команда:
– В лес, в укрытье!..
Ещё никто не знал из нас,
Какое страшное событие
Случилось в тот рассветный час.

Но слился рокот самолётный
С догадкой: видно немец-гад
Прошёлся строчкой пулемётной
По нам, по лугу наугад!..

А в час, когда уже не слабо
Лучилась неба вышина,
В лес прибежал боец из штаба
И жарко выдохнул: – Война!

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 36)

Мы жили с весны на степном полигоне.
Курсантами были. И вот –
По звёздочке новой на каждом погоне.
У каждого должен быть взвод.

Осталась казарма с постом у порога,
Далёк её строгий уют.
Дорога, дорога... А в сердце тревога:
«Что будет там – ранят, убьют?»

Прорвались машины до нужной стоянки.
Затихли моторы. Слезай!
Выходит майор пожилой из землянки.
– Передний, товарищи, край.

Сказал так, наверно, одним озабочен,
Лишь глянув на нашу семью:
Мол, парни что надо, но молоды очень,
Не струсят ли в первом бою?

Вот начал знакомство. Беседы недолги.
Майор всё вниманье напярэг.
Спросил он у друга:
– Откуда ты? – С Волги.
– А ты у меня? – Сибиряк?

Не думал он с нами вести проволочку.
– Тебе... – Помолчал офицер.
И твёрдо поставил последнюю точку:
– Дадим тебе взвод ПТР...

Не сразу дошло то и стало понятно,
Что дело совсем не во мне,
А в тех земляках моих, кто многократно
Прославил Сибирь на войне.

Сибирь! В этом гордом солдатском девизе
На честь и вниманье права.
О ратных победах сибирских дивизий
Гремела в то время молва.

И доблесть сибирская – явь, не поверье,
Тут лишнего нет ничего...
Спасибо, товарищ майор, за доверье!
Суметь оправдать бы его.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 59)
*** **

Мы жили с весны на степном полигоне.
Курсантами были. И вот –
По звёздочке новой на каждом погоне.
У каждого должен быть взвод.
Осталась казарма с постом у порога,
Далёк её строгий уют.
Дорога, дорога...
А в сердце тревога:
«Что будет там – ранят, убьют?»
Прорвались машины до нужной стоянки.
Затихли моторы. Слезай!
Выходит майор пожилой из землянки.
– Передний, товарищи, край. –
Сказал так, наверно – одним озабочен,
Лишь глянув на нашу семью:
Мол, парни что надо, но молоды очень,
Не струсят ли в первом бою?
Вот начал знакомство. Беседы недолги.
Майор всё вниманье напряг.
Спросил он у друга:
– Откуда ты?
– С Волги.
– А ты? – у меня.
– Сибиряк. –
Задумчиво он портупею поправил.
– Тебе... – помолчал офицер.
И твёрдо последнюю точку поставил: –
Дадим тебе взвод ПТР... –
Не сразу слова его стали понятны,
Что дело совсем не во мне,
А в тех земляках моих,
Кто многократно
Прославил Сибирь на войне.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 57.
Эта же редакция в сборнике «Благодарю,
благодарю...», 1995 г., с. 13)

На версту растянута колонна.
 В целом мире – лишь жгучая высь.
 Нету сил. Но звучит непреклонно
 Командирское: «Подтянись!»
 Еле движемся мы по бурьяну,
 И мне кажется, в этом логу
 Упаду я сейчас и не встану,
 Потому что уже не смогу.
 Но, увидев вдали деревеньку –
 Тополя да берёзки кругом, –
 Начинаем трусить помаленьку,
 Будто рядом родительский дом.
 Яркой медью сверкая знакомо,
 Тишину разбивая окрест,
 Нас встречает у крайнего дома
 Удивительным маршем оркестр.
 Возле тына – наверно, солдатка.
 Дальше люду – как в праздник какой.
 И не обруч, а пёрышко – скатка.
 И усталость – как будто рукой.
 Будто не было дня перехода,
 Будто только мы начали путь.
 Боевая осанка у взвода,
 Шаг уверенный, бравая грудь.
 Мы и часу ещё не прошли бы,
 Повалились бы в пыль головой,
 Но воскресли от марша. Спасибо,
 Наш товарищ, оркестр духовой!

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 55)

*** *** ***

На версту растянута колонна.
 В целом мире – лишь жгучая высь.
 Нету сил. Но звучит непреклонно
 Командирское: «Подтянись!»
 Еле движемся мы по бурьяну,
 И мне кажется, в этом логу
 Упаду я сейчас и не встану,
 Потому что уже не смогу.

Но, увидев вдали деревеньку –
 Тополя да берёзки кругом, –
 Начинаем трусить помаленьку,
 Будто рядом родительский дом.
 Возле тына – наверно, солдатка.
 Дальше люду – как в праздник какой.
 И не обруч, а пёрышко – скатка.
 И усталость – как будто рукой.
 Будто не было дня перехода,
 Будто только мы начали путь.
 Боевая осанка у взвода,
 Шаг уверенный, бравая грудь.

*(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 55.
 Эта же редакция в сборнике «Благодарю,
 благодарю...», 1995 г., с. 12)*

По ракете – условному знаку –
 В чуть туманный предутренний час
 Поднялись мы все дружно в атаку.
 Привыкать ли!.. Бывало не раз.
 И успел я, винтовку сжимая,
 Покидая уютный окоп,
 Вскользь увидеть,
 Как пуля шальная
 Обагрила товарищу лоб.
 Вот «ура!» уж гремит многократно,
 А в глазах всё виденье одно:
 Как сползает товарищ обратно
 На сырое окопное дно...
 Отступая порой, атакуя,
 Повидал сто смертей, может быть,
 А вот эту, простую такую
 И мгновенную, – век не забыть.
 Вспоминаю бои и походы,
 Вой снарядов, бомбёжки, пальбу –
 И всё вижу сквозь многие годы
 Эту смертную метку на лбу...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 50)

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

(Отрывок)

...А мне под шёпот листопада
На память давнее пришло.
...Вдали гремела канонада.
Горело русское село.

Катились мимо танки, пушки,
Чтоб справить наше торжество.
Мы ж хоронили на опушке
Солдата, друга своего.

Он самым первым из десятка
В село ворвался, знамя взвил.
Кровь запеклась под русой прядкой...
Как мало он на свете жил!

Молчал юнец, белей извёстки,
Окончив свой короткий путь.
И лист, сорвавшийся с берёзки,
Медалью лёг ему на грудь.

А сколько их, таких медалей,
Сложил на холмик листопад,
Когда мы залп последний дали,
Сказав: «Прощай, наш друг и брат!»

...А время мчит. Оно крылато.
С чего же нынче, в мирный день,
Того убитого солдата
Передо мной мелькнула тень?

Покою лес осенний дышит,
Весь так и светится, горя,
Как будто золотом он вышит –
Любимым цветом сентября.

Приятна русскому картина
Природы, сердцу дорогой, –
Не заграждений паутина,
А паутинка над стернёй.

Хотим мы видеть над полями
Не взрывов тёмные кусты,
А золотых деревьев пламя
Необычайной красоты.

Над головою неба просинь.
 Даль и пустынна, и светла.
 Прощаясь с тёплым летом, осень
 Знамёна жизни подняла...

(Из сборника «Родные просёлки», 1976 г., с. 57)

ВСТРЕЧА С ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Вас бы встретить по-другому –
 За богатым праздничным столом.
 Вам, Герою, гостю дорогому,
 Поднести бы дар – бокал с вином.
 Чтоб звучали в честь Героя тосты,
 Чтоб поэт поздравил Вас в стихах.
 Мы ж встречаем Вас, товарищ, просто:
 С чувствами горячими в сердцах.
 Не слышать ни тостов, ни оркестра,
 Не беда, что нету и вина.
 Жизнью управляющий маэстро
 Над страной стоит сейчас война.
 Почестей Вы больше заслужили.
 Но – простите нашу простоту.
 Многие сегодня оживили
 Давнюю заветную мечту.
 Увидать Героя всяк мечтает.
 Но в бою случается порой –
 Человек дерётся и не знает,
 Что он сам и есть живой герой.

1943 г.

Публикация М. Небогатовой

*(Из сборника «Благодарю, благодарю...»,
 1995 г., с. 24. В первой строчке явно не
 хватает слова «надо»: Вас бы НАДО
 встретить по-другому...)*

Всему и всем на свете свой черёд...
 Когда гремел по полю взрыв за взрывом,
 В атаку поднимались мы с призывом:
 – За Родину, за Сталина,
 Вперёд!
 И тот призыв с Победой, с жизнью слит.
 Теперь, когда за далью канонада,
 Его переиначивать не надо.
 Так нам
 Сама История велит.

*(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 52.
 Эта же редакция в сборнике «Времени
 река», 1991 г., с. 98, только после слова
 «слит» добавилось многоточие)*

...За счастье жить судьбу благодарю,
 О юности израненной не плача.
 Душой по-молодому вновь горю.
 А было очень трудною задачей
 Не очерстветь, не огрубеть в бою,
 Не потерять к добру любви горячей.
 Но мы в победу верили свою.
 Мы знали: будет так, а не иначе.
 А скольким уцелеть не удалось!
 Мы хоронили их, сердца сжимая,
 На недруга обрушивая злость,
 Предвидя праздник солнечного Мая.
 Земля, где проливать нам кровь пришлось,
 Люблю тебя, земля моя родная.

*(12-й сонет из Венка сонетов «Золотая
 осень», посвящённого Юрию Дмитриевичу
 Баландину, фронтовику, журналисту. Из
 сборника «Спасибо сентябрю, 1972 г., с. 19)*

СТАРШИЙ БРАТ

Подтвердилось истории ходом:
В новой жизни, в труде, на войне
Вместе с русским великим народом
Всякий – крепче, сильнее вдвойне.

И любой – словно брат ему кровный,
Рядом с ним и не прост, и не мал.
И недаром когда-то Верховный
Тост за русский народ поднимал.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 22)

Через что мы шагнули –
Знаем с жизнью вдвоём.
И осколки, и пули
Носим в теле своём.

Нас недугам не жалко,
Но владеем собой...
Фронтная закалка
Много крепче любой.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 66)

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>От автора-составителя</i>	3
«Не обойдёшь сторонкою в беседе...»	4
«Не виноваты мы перед друзьями...»	5
Достойны ли...	5
В ночь на 22 июня 1941 года	6
Вечный огонь	7
Солдат с ребёнком (Н. И. Масалову)	9
Фронтовая дружба	10
«Я видел раз воздушный бой...»	12
«Рано поколенью моему...»	13
Моё поколение	13
Уроки войны	14
Воспоминание (<i>Недвижны орудья и траки...</i>)	15
«Случайно в мемуарах генерала...»	15
«Один почёт всем...»	16
«Друг фронтовой...»	16
«Всю жизнь перед глазами, как живой...»	17
Во имя жизни	18
Откликнитесь! (<i>Эвакуаций спешных суетня...</i>) ...	19
Песня героя (Памяти воина-сибиряка Б. Богаткова)	20
Ничейная полоса	20
Наша Вера (Клавдии Лукьяновне Волошиной, матери прославленной партизанки)	21
На улице Героя (Дважды Герою Советского Союза Афанасию Шилину)	22
«Он был на фронте все четыре года...»	23
Слово хлебороба	24
Рассказ хлебороба	25
Сувениры	27
Старый солдат (Триптих)	28
Вечный огонь	32
На исходном рубеже	36
Никто не знал	36
На передовой	37

Не забыть	38
Луна.....	39
Похоронки (<i>Редкий дом обошла похоронка...</i>)	41
«Она любовь другим дарила...»	42
«Покидают тихо...»	42
Дневник	42
Вода (<i>Как хороша воды бывает в зной...</i>)	43
Пуля (<i>Едва рванулись мы за лог...</i>)	44
В госпитале (<i>Год сорок третий...</i>)	46
Сонет (<i>Год сорок третий...</i>).....	46
В госпитале (<i>Забуду ль я когда-нибудь...</i>)	47
Подмосковье, 1942	48
«...Выли бомбы, сыпалась щебёнка...»	48
Театр войны (<i>Прифронтовая полоса...</i>)	49
Танки	50
После боя.....	51
«Ещё когда босые по ромашке...».....	51
Путь отступленья постыл (<i>Ох, как путь отступленья постыл...</i>)... ..	52
Мамаев курган	53
На передовой	54
«Каждый день встречаемся мы с ними...».....	55
«Он с фотокарточки смеётся...»	56
На привале (<i>О, сладкое слово...</i>)	56
«Легко на воле дышится...».....	57
На постое	59
Лето 1941-го (<i>Целый день по жаре...</i>)	60
Призывники (<i>Апрель сорок первого года...</i>)	61
«Апрель сорок первого года...».....	61
Апрель 1941-го (<i>Апрель был солнечно- беспечным...</i>).....	62
Лето, 1941 (<i>Когда, прижимаясь к земле...</i>)	63
Пахарь	64
Ротный.....	65
«Могут посчитать, что ловим блох мы...»	66
В наступлении.....	67
Аккордеон (Памяти брата Григория)	68
«Ночью был об отходе приказ...»	70

«Призывники, мы так немного...»	71
«Мы жили с весны на степном полигоне...»	72
«На версту растянулась колонна...»	74
«По ракете – условному знаку...».....	75
Прощанье с летом (Отрывок).....	76
Встреча с Героем Советского Союза	77
«Всему и всем на свете свой черёд...»	78
«За счастье жить судьбу благодарю...» (Из Венка сонетов «Золотая осень»).....	78
Старший брат	79
«Через что мы шагнули...»	79

Литературно-художественное издание

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

«... КАКОЙ ИЗ СОРОК ПЕРВОГО ТЯЖЁЛОЙ
ДОРОГА В СОРОК ПЯТЫЙ ГОД БЫЛА...»

Стихи о войне

М. НЕБОГАТОВ. «...КАКОЙ ИЗ СОРОК ПЕРВОГО
ТЯЖЁЛОЙ ДОРОГА В СОРОК ПЯТЫЙ ГОД БЫЛА...»:
Стихи о войне / Автор-составитель – Нина Инякина, дочь
поэта. – Кемерово, 2012, 84 с.: ил.